

Jacob Davidovsky

Ленин. 1917-07

18+

Jacob Davidovsky

Ленин. 1917-07

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65190292

SelfPub; 2021

Аннотация

Книга о Ленине. События происходят в 1917-м году в тогдашней столице России Петрограде. Ленин ведёт активную борьбу за захват власти большевиками. Политическая борьба, интриги, митинги.

Содержание

17 июня 1917 года.	4
18 июня 1917 года.	10
20 июня 1917 года.	12
23 июня 1917 года.	13
30 июня 1917 года.	14
2 июля 1917 года.	15
3 июля 1917 года.	27
4 июля 1917 года.	34
5 июля 1917 года.	42

Jacob Davidovsky

Ленин. 1917-07

17 июня 1917 года.

Николай Маркин шагал по улице.

День был тёплым и солнечным.

(Авторское отступление).

Я понимаю, что уже немало глав в этой книге начал словами "Такой-то шёл/шагал по улице. День был тёплым/солнечным/ясным."

Но уважаемый читатель, что же я могу поделатъ, если весной и летом 1917-го года люди в основном ходили/шли/шагали по улицам, а не ездили на такси/троллейбусах/персональных мерседесах/ метро (но в этом случае уже не по улицам).

И погода в то время, когда они шли/шагали/ходили была в основном ясной (солнечной) и тёплой. Дело, возможно, в том, что в дождливую/холодную погоду люди предпочитали сидеть дома/на службе/в казарме.

Так что простите, но ...).

Николай Маркин шагал по улице.

День был тёплым и солнечным.

Летняя погода в Питере окончательно установилась, и на-

строение у Николая было ей подстать.

Вдруг впереди он заметил сразу показавшуюся ему знакомой неторопливо шагавшую фигуру, похоже, в костюме – со спины других деталей одежды видно не было – и с шапкой вьющихся волос.

Маркин прибавил шаг и поравнялся с привлёкшим его внимание человеком. Так и есть! Троцкий! Какая удача! Судьба позволила ему вот так запросто, на улице, встретить своего кумира.

– Лев Давидович ... здравствуйте ... узнаёте? – Николаю от смущения было ещё труднее выдавливать из себя слова.

Троцкий взглянул на него. Лицо озарилось улыбкой. Он узнал немногословного стеснительного парня.

– А, неразговорчивый революционный героический матрос! Конечно, узнал! Очень рад. Вы тут прогуливаетесь? Или по делу идёте?

Кумир был рад! Его, Маркина, встретить! Помнит!

– Я вообще ... по делу ... впрочем ... пустяки ... А вы куда ... Лев Давидович?

– Домой вот возвращаюсь с заседания. Наверное, уже никуда сегодня не пойду. А вы Николай ... вы ведь Николай, я не ошибся? – Троцкий излучал радушие и расположение.

Маркин был счастлив. Кумир помнит его имя! Захотелось сделать что-нибудь приятное этому великому, но простому в обращении человеку.

– Лев Давидович ... разрешите ... я вас провожу ... не

ровен час ... народ нынче всякий ... шатается.

– А как же дело? Вы же по делу шли, насколько я помню?

– Да пустяки ... не срочно ... и завтра можно.

– Вы уверены? Ну тогда знаете что? Пойдёмте ко мне. Поужинаем вместе, я вас с семьёй познакомлю. Жена и дети рады будут.

Маркин почувствовал, что неудержимо краснеет. О таком он не думал даже в самых смелых мечтах.

– Да я ... с радостью ... а удобно? ... и с пустыми руками.

– Да бросьте вы. Очень даже удобно. И насчёт “с пустыми руками”. Даже не думайте! Не объедите Троцкого, не беспокойтесь.

– Тогда я ... с удовольствием ... Пожалуйста ... обождите минутку ... я сейчас.

Матрос нырнул в лавку, находившуюся по дороге. Быстро обрисовав хозяину ситуацию – иду в гости ... в приличный дом ... с пустыми руками ... неудобно – Маркин был тут же хозяином понят и молниеносно снабжён всем необходимым.

Окрестные лавочники давно поняли, чьими стараниями в округе поддерживается порядок, и получать подарки “натурой” Николаю доводилось не впервые. Он не видел в этом ничего необычного и охотно принимал. Матросы его были того же мнения.

Он выскочил из лавки и вправду где-то через минуту, нагруженный ломтём роскошного окорока, ковригой белого хлеба, коробкой с пирожными – и в довершение бутылками

шампанского и кагора.

Троцкий терпеливо ждал. При виде такого великолепия брови у Льва Давидовича поползли вверх.

– Да зачем, Николай? Не стоило. Это же очень дорого, наверно.

– Пустяки ... лавочник знакомый ... не отказывайтесь ... от чистого сердца.

Наташа была тоже поражена стилем немногословного матроса ходить в гости. Она с удивлением и восхищением обозрела кулинарные изыски, принесённые тем, пожалала потоварищески руку, знакомясь, спросила в шутку Николая – не переодетый ли он принц, чем ещё больше вогнала того в краску и тут же скомандовала:

– Всем мыть руки и за стол! Дети, папа пришёл ... и у нас гость!

Дети вежливо поздоровались и дружно отправились мыть руки.

За столом царила непринуждённая атмосфера. Троцкий часто шутил, Наташа смеялась.

Потом разговор зашёл о прошлых годах, о пребывании семьи Троцких в эмиграции, об революционной деятельности за границей.

Маркин был рад тому, что ему не нужно напрягаться, выдавливая слова. Слушая хозяев, он внутренне восхищался.

Вот это люди! Всю жизнь в революции ... полностью посвятили себя борьбе. А сами на ужин хлебают пустоватый

супчик с чёрным хлебом ... не из дорогих.

Он дал себе слово взять семью кумира под опеку. Такой человек не должен отвлекаться от великих дел на мысли о том – где раздобыть пропитание для семьи!

Отужинав, он поднялся и, всё ещё смущаясь, поблагодарил за угощение, извинился и сказал, что ему пора.

Троцкий проводил его до дверей, пожал руку и пригласил заходить. Наташа с детьми присоединились к приглашению и сообщили, что кто-нибудь из семьи почти всегда дома, и Николай может запросто посещать их в любое время.

Маркин поблагодарил и распрощался.

Он действительно стал иногда захаживать, стараясь побаловать семью кумира чем-нибудь вкусеньким ... пусть и недорогим.

Его подношения всегда принимались с благодарностью и уверениями – мол, что вы, Николай, не стоило, спасибо, что не забываете, вы всё-таки переодетый принц.

Маркин старался при таких визитах не утомлять хозяев своим присутствием и поскорее распрощаться. Но парой слов всё же перекинуться для вежливости приходилось. Впрочем, говорить его никто не заставлял, чему он был очень рад.

Слушать довелось в сумме немало. Как ни странно, основным оратором стал юный Лев Львович, которому недавно исполнилось двенадцать. Парнишка проникся к матросу глубочайшим расположением и делился с ним своими впе-

чатлениями как с товарищем.

Николай быстро оценил живость ума Льва-младшего и с удовольствием того слушал. Лев Львович регулярно посещал митинги, прекрасно понимал всё, что там говорилось и умел разбираться в политических раскладах. Слушая мальчика, Маркин чувствовал, что тот разбирается в политике лучше его, Николая и не уставал восхищаться пареньком. Воистину сын Троцкого! И умён, и вежлив, и красноречив. Молодчина!

Они тогда не знали, что приближаются большие перемены.

18 июня 1917 года.

Ещё с начала марта по распоряжению Временного Правительства на фронте готовилось наступление русский армии. Кроме постоянного стремления показать союзникам верность долгу, были ещё и соображения, что успехи на фронте авторитет правительства в массах поднимают. А это в данное время было необходимо

Для укрепления армии ещё 22 мая по настоянию нового военного и морского министра Александра Керенского был снят с должности главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Алексеев. На его место назначили легендарного организатора и руководителя знаменитого “Брусиловского прорыва” генерала Алексея Алексеевича Брусилова.

16 июня 1917 года артиллерия фронта открыла огонь по позициям австро-германских войск.

18 июня в наступление перешли Седьмая и Одиннадцатая армии, наносившие главный удар в общем направлении на Львов.

В тот же день, 18 июня в Петрограде на Марсовом поле состоялась массовая демонстрация, организованная Съездом Советов. Однако, вопреки ожиданиям организаторов, планировавших провести общеполитическую демонстрацию доверия Временному правительству, акция прошла под боль-

шевистскими лозунгами “Долой десять министров-капиталистов!», «Пора кончать войну!», “Вся власть Советам! “, что свидетельствовало о разрыве между настроениями масс столицы – и политикой Временного правительства вкупе с руководством Советов.

Присоединившаяся к манифестации группа вооружённых анархистов во время митинга – для разнообразия, видимо – совершила налёт на тюрьму “Кресты”, освободив шестерых своих сторонников.

Многочисленные демонстрации рабочих и солдат под лозунгами большевиков прошли в этот день также в Москве, Киеве, Харькове, Минске, Иваново-Вознесенске, Твери, Нижнем Новгороде и других городах.

20 июня 1917 года.

19 июня делегаты съезда отдельной резолюцией поддержали начавшееся на фронте наступление Русской армии. Но оно уже выдыхалось.

Отборные ударные подразделения, начинавшие наступление, уже к 20-му числу были в основном выбиты. А обычные пехотные части отказывались наступать.

Войска обсуждали приказы в комитетах, митинговали или просто отказывались продолжать воевать под самыми разнообразными предложениями. Вплоть до того, что, мол, своя артиллерия так хорошо поработала, что на захваченных позициях противника ночевать негде.

В итоге, несмотря на значительное превосходство в живой силе и технике, наступление остановилось и 20 июня было прекращено ввиду невозможности заставить войска идти вперёд.

23 июня 1917 года.

Началось наступление Восьмой армии генерала Лавра Корнилова, наносившей удар на участке Галич – Станислав в направлении Калуша и Болехова. Поначалу оно было успешным, чему способствовали громадный перевес в силах и слабая боеспособность австро-венгерских (не немецких) частей. Прорвав оборону противника, армия захватила свыше семи тысяч пленных и 48 орудий.

30 июня 1917 года.

Развивая успех, Восьмая армия Корнилова заняла Станислав, Галич и Калуш. Но начались те же проблемы, что и у соседей. Ударные части понесли огромные потери в первых штурмовых боях, а остальная солдатская масса отказывалась воевать.

2 июля 1917 года.

Наступательный порыв по всему фронту иссяк, и наступление полностью прекратилось. Потери всех трёх армий фронта имели катастрофические последствия, так как в основной своей массе они пришлись на отборные, ударные части.

Оставшаяся солдатская масса окончательно потеряла военный облик и превратилась в совершенно неуправляемую вооружённую толпу, готовую бежать от малейшего нажима неприятеля.

Во время этого наступления на Юго- Западном фронте армия потеряла 56 тысяч человек убитыми и ранеными. Но катастрофа заключалась в другом. На приказ идти в наступление роты, полки, дивизии отвечали отказом.

Главнокомандующий Брусилов объяснял провал наступления тем, что никто, начиная от командира роты и кончая главнокомандующим, не пользуется властью над солдатами.

Другой генерал – Клембовский – безнадежно спрашивал самого себя – что делать? Ввести смертную казнь? Но возможно ли казнить целые дивизии? Судебное преследование? Но тогда сидела бы половина армии в Сибири.

Подводя итоги провальной попытки русской армии перейти в наступление, можно сказать следующее. Желая хоть как-то укрепить свой пошатнувшийся авторитет, Времен-

ное Правительство попыталось активизировать действия на фронте. Но добилось противоположного результата. Военная авантюра полностью провалилась. Приближался правительственный кризис.

(Авторское отступление.)

Мне чертовски жаль и Брусилова и Клембовского. Особенно Брусилова.

Ещё год назад он разработал и блестяще осуществил военную операцию, вошедшую впоследствии во все учебники. Брусиловский прорыв. А вот сейчас – нате вам.

Была ли в провале наступления вина Брусилова. Он же являлся главнокомандующим.

Не думаю.

Невозможно успешно провести военную операцию если войска отказываются выполнять приказы. А главнокомандующий ничего сделать не может.

Вы представьте, он со своим штабом операцию разработал, все аспекты учёл, сто раз перепроверил, представил все могущие возникнуть проблемы и подготовился к их преодолению. Ночей не спал, заново и заново всё продумывая.

И вот час настал. Операция началась. Всё идёт по плану. Неприятель откатывается с занятых рубежей. В дело пора идти новым частям – развивать успех.

И вдруг ему сообщают, что войска приказ выполнять отказываются. Он звонит по полевому телефону, он шлёт адъютантов, наконец, сам приезжает в войска, надеясь, что смо-

жет собственным авторитетом их поднять в наступление – бесполезно.

Он готов лично идти впереди, увлекая собственным примером. Но за ним никто идти не желает.

Солдаты объясняют, что, во-первых, на позициях, куда они должны выдвинуться, негде ночевать – своя артиллерия при артподготовке, видите ли, неосторожно разнесла все пригодные для ночёвки строения. Что у них вечером митинг, который, разумеется, никак нельзя пропустить. А потом, наверное, званый приём с коктейлями. В общем, очень сожалеем, но в наступление идти не имеем никакой возможности. Некогда-с.

Я могу себе вообразить, что чувствовал Алексей Алексеевич, видя, что тщательно разработанная им операция срысывается просто потому, что он в войсках как бы уже и не главнокомандующий вовсе. Да он готов горы свернуть, чтобы добиться своего. Но это никому не интересно.

Думаю, что-то подобное испытывал через три года красный командир Михаил Тухачевский во время Польской Кампании. Когда он, поняв, что ему скоро ударят во фланг, послал директиву перебросить для прикрытия фланга две армии – Первую Конную и Двенадцатую. В этот момент Тухачевский вряд ли особо переживал, так как по его расчётам контрудар поляков должен был последовать далеко не завтра, и времени на передислокацию этих двух армий более, чем достаточно.

Но на следующий день выясняется, что директиву никто выполнять не спешит. Тухачевский начинает беспокоиться. Летят следующие директивы с тем же приказом. Их как будто не замечают.

Обеспокоенный уже не на шутку Михаил Николаевич телеграфирует уже главкому всей Красной Армии Сергею Сергеевичу Каменеву. Тот шлёт распоряжение с подтверждением приказа. Снова ноль реакции.

Ну что. В итоге поляки фланг Тухачевскому разнесли, и красные покатались из Польши восвояси. С точки зрения мировой справедливости это, наверное, правильно, но можно ли на основании ТАКОГО поражения обвинять Тухачевского в том, что он плох как полководец?

Тут, набравшись наглости, упомяну Виктора Суворова, который такой точки зрения и придерживается.

Сразу хочу обрисовать своё отношение к Суворову. Я считаю его талантливейшим публицистом и писателем. Может быть, великим. Перед серией "Ледокол" просто преклоняюсь.

Но мне кажется, что в своём стремлении доказать, что как полководец Тухачевский плох, Суворов увлекается, и аргументы его слабы. Он доказывает, что Тухачевский был доносчиком. Возможно. И что? Никто не доказал, что писание доносов отменяет полководческий талант. Можно по-разному к этому относиться – но к таланту полководца это отношения не имеет.

Суворов пишет, что Тухачевский как военный теоретик был никаким. Опять же возможно. И что?

Мне не известны труды по военной теории, написанные Александром Македонским, Ганнибалом, Карлом Великим, Чингисханом, Тимуром, Евгением Савойским и Наполеоном. Тем не менее вряд ли можно отрицать у перечисленных наличие неких способностей полководца.

В то же время мне не известно, например, хотя бы об одном сражении, выигранном известнейшим военным теоретиком Клаузевицем.

Наконец, в вину Тухачевскому ставится жестокость. Вешал матросов в Кронштадте, травил газами крестьянских повстанцев в Тамбовской губернии, ну что-то там ещё.

Ну да. Травил. А где Вы видели ангелов с крылышками среди полководцев того времени? Это сейчас человеческая жизнь стала высшей ценностью, а тогда ... . Да и сейчас хороший командир будет в первую очередь заботиться о жизни и здоровье своих, а уж противниках – если получится.

В начале августа 1945-го года было, в общем, ясно, что война с Соединёнными Штатами Японией проиграна. Весь Тихоокеанский бассейн контролировался американцами, в руках японского императора оставались, собственно, лишь Японские острова. Италия и Германия разгромлены и капитулировали. Помощи ждать неоткуда.

Президент США Гарри Трумэн, сменивший незадолго до этого умершего Франклина Рузвельта, предлагает Япо-

нии тоже капитулировать. Японский император отказывается. Перед Трумэном возникает дилемма.

Можно продолжать наступать, высадиться в Японии и начать добивать, так сказать, врага в его логове. Японцы были куда более фанатичны, чем американцы, бои ожидались тяжёлые и кровопролитные. Могли погибнуть десятки или сотни тысяч американских парней, а также множество простых японцев. Мирных людей в такой ситуации всегда гибнет намного больше.

Но у Трумэна был ещё и второй вариант. У него в руках уже находилось страшное оружие будущего – атомная бомба. Если сбросить такую на какой-нибудь небольшой японский городок, тот, конечно, будет полностью уничтожен. Но после этого император должен понять, что сопротивление бесполезно.

Была сожжена Хиросима. Послано очередное предложение о капитуляции. Оно было снова отклонено.

Сожгли Нагасаки. До императора, наконец, дошло, что следующим может оказаться Токио, и микадо капитулировал.

В СССР учили, что это был беспримерный акт жестокости американской военщины. А вы себя на место Трумэна поставьте.

Он, принимая при вступлении в должность присягу, обещал заботиться об американцах. А не японцах.

Если Вы меня спросите – кто виноват в гибели жителей

Хиросимы и Нагасаки, я отвечу. Японский император.

А кто виноват в гибели задушенных газами тамбовских крестьян?

Троцкий. Пославший именно Тухачевского подавлять восстание. Лев Давидович прекрасно знал, что тот не остановится ни перед чем для исполнения приказа. Он – профессиональный вояка. Инструмент. Инструмент жестоким не бывает.

И снова. При чём здесь умение побеждать?

По-моему, это основные аргументы Виктора Суворова в пользу полководческой бездарности Тухачевского.

А здесь, как мне кажется, возможен только один критерий. Сколько военных кампаний полководец выиграл, а сколько проиграл.

Кроме вышеупомянутой польской Тухачевский выиграл ПОЧТИ ВСЕ кампании. Белочехи, Колчак, Деникин, те же поляки на территории красной России.

Так что статистика в его пользу.

Впрочем, Тухачевский появится в нашем повествовании ещё не скоро.

Повторюсь. Всё это ни в коей мере не отменяет того факта, что Виктором Суворовым написаны великолепнейшие вещи, и при этом продемонстрированы не только аналитический талант и немалая смелость, но и блестящий стиль.

Ну ладно. Итак.

Жалко Брусилова. У него вся жизнь в армии. Военная ко-

сточка, генерал до мозга костей. На политику наплевать. Генералом стал при царе, служил при Временном Правительстве. Закончил при большевиках. Он просто служил России.

Самые сильные мучения любой профессионал испытывает когда не в состоянии сделать дело в своей профессиональной области. Спортсмен-чемпион – проиграв неизвестному до этого сопернику. Учёный, годами разрабатывавший теорию – когда эксперимент его теорию опровергает.

Полководец – проиграв сражение. Пусть и не по своей вине. Главнокомандующий чувствует себя виноватым в поражении ВСЕГДА.

А кто же на самом деле виноват в поражении? Войска, отказавшиеся идти в бой по приказу Брусилова?

Прозвучит парадоксально, но и их я обвинить не могу. Это – вчерашние мужики, забранные из деревни НАСИЛЬНО. Присягу их тоже принимать ЗАСТАВИЛИ. Сначала царю, потом Временному Правительству. Да не обязаны они идти погибать за Львова с Керенским!

Скажете, что не за них, а за Россию? А кто такая эта Россия, которой так нужен их героизм?

Берёзки, поля, луга, леса, родимые деревни? Родные осины? Так те их на войну не посылали и в наступление не гнали.

Верность союзническому долгу? Даже не смешите! Не заключали эти ребята никаких союзов.

Русский народ? Так ему в подавляющем большинстве эта

война была совершенно ни к чему. Ну на хрена костромскому мужику Босфор и Дарданеллы?

Я не люблю слово "патриотизм". Слишком много гадостей пытались этим понятием оправдать.

Не знаю, как в других странах, а в России правительство всегда старалось отождествить патриотизм с безусловной лояльностью ему, правительству.

Так что я не могу винить войска в отказе повиноваться главнокомандующему Брусилову и идти наступать.

Я вообще не считаю возможным требовать чего-либо подобного от призванных в армию насильно.

Именно поэтому – не сторонник всеобщей воинской обязанности.

Человека вырывают из его обычной жизни. Ещё раз – насильно. И ввергают в некое, пусть и ослабленное, подобие зоны, где он обязан жить не так, как хочет, а как заставят старшина, сержант, командир части, старослужащие, наконец. Оторвав на этот срок от родных, близких, любимых, друзей. Есть новоиспечённый "защитник Родины" будет не домашнюю пищу, а что дадут. Учиться будет не тому, чем собирается заниматься в жизни – и к чему питает склонность, а изучением Устава, строевой муштрой и прочими непонятно зачем нужными вещами.

Так это ещё в мирное время. А если война – иди, погибай ... за Отечество как бы. Поскольку кто-то там, наверху, решил, что этому самому Отечеству зачем-то нужно, чтобы ты

воевал.

Есть ещё один фетиш – "героизм на войне".

Воспеваются подвиги солдат, закрывших амбразуру грудью. Или часами почти без снарядов и патронов сдерживающих вражеское наступление. Или кидającychся с гранатой под танк.

А ведь этот героизм солдаты вынуждены проявлять в подавляющем большинстве из-за того, что кто-то не выполнил своих обязанностей.

Почему солдат вынужден кидаться грудью на амбразуру? Потому что по чьей-то вине перед наступлением дот не был подавлен артиллерийским огнём или раздавлен сверхтяжёлым танком. Кто-то, планирующий наступление, не предусмотрел обеспечения должного количества орудий и снарядов. Или привлечения на начальном этапе танковых частей.

Почему солдаты должны отбивать атаки численно превосходящего противника без снарядов и патронов? Видимо, их не обеспечили нужным количеством таковых ... да и ресурсов для обороны на этом участке, видимо, следовало привлечь побольше.

Почему солдат кидается с гранатой под танк? Потому что кто-то не предусмотрел нормальной протанковой обороны на этом участке. Ну, хотя бы орудия подвезти.

Самая сильная армия на сегодняшний день, наверное, американская. Американцам нельзя отказать в патриотизме. Они любят свою страну. Но американский солдат не пойдёт

в бой, пока не подписан контракт, где, кроме прочего, оговорено – как он должен быть снаряжён, чтобы идти в бой, а также сколько он получит дополнительно в случае ранения. Ну, а если, не дай Бог, убьют – какая будет пенсия для его семьи.

И не пойдёт в атаку, если не будет снаряжён всем необходимым. Включая кока-колу и шоколад.

Да и в атаку он идёт на позиции противника, которые до этого уже разнесли ракетами, и от него потребуется просто финальная зачистка.

И я давно не слышал о героизме американских солдат. Зато постоянно слышу, что они побеждают в любом военном конфликте.

Потому что профессионалы. Потому что армия контрактная.

По моему убеждению армия должна быть только контрактной.

Русская армия в 1917-м году контрактной не была. Солдаты в армию в подавляющем большинстве угодили не по своей воле.

Эрго. Их тоже нельзя винить в поражениях.

Итак, Брусилов не виноват, армия не виновата. А кто тогда?

По-моему, Временное Правительство. Оно должно было сразу по приходу к власти приложить все усилия к заключению сепаратного мира. Мало того, что этим выбивался ос-

новной козырь у большевиков. Ещё облегчалась задача восстановления изрядно ухудшившейся хозяйственной и экономической ситуации в стране. Падало бремя расходов. Ну и много ещё чего по мелочам.

А что выиграло Временное Правительство от продолжения войны? Благодарность союзников? А стоило ли она того?)

Но вернёмся в Питер.

Вечером того же дня на вечернем заседании Петроградского Совета появился Сталин и сразу попросил слова.

С трибуны Сталин сообщил, что массы солдат и рабочих Петрограда рвутся на улицу, но большевистская партия разослала своих агитаторов в полки и на заводы, чтобы удержать их от выхода на улицу.

Сделав это заявление в самой категорической форме, Сталин обратился к председателю с просьбой внести заявление в протокол и вместе со своими товарищами покинул заседание.

Находившийся в президиуме Чхеидзе сказал с усмешкой своему соседу, нынешнему председателю Совета Ираклию Церетели:

– Теперь положение довольно ясно.

– В каком смысле вы считаете положение ясным?

– В том смысле, что мирным людям незачем заносить в протокол заявления об их мирных намерениях.

3 июля 1917 года.

Министры-кадеты Мануйлов, Шаховской и Шингарев заявили о своем выходе из правительства. Поводом послужило признание делегацией Временного Правительства (Керенский, Церетели, Некрасов), ездившей в Киев, внутренней автономии Украины ("Второй Универсал" Украинской Рады). Делегация представила соответствующее предложение Временному Правительству.

Кадеты, возглавляемые своим лидером Милюковым, слышать не хотели о какой-либо, даже культурной, автономии Украины. Вот и вышли из правительства – как бы в знак протеста.

Но вот думается мне, что поражения на фронте тоже сыграли в начинавшемся правительственном кризисе немалую роль.

Уход министров-кадетов был только частью начинавшихся событий.

В тот же день, третьего июля, выступил на демонстрацию Первый Пулемётный Полк.

Это был несколько своеобразный полк. Во-первых, неизвестно по какой причине, численность его соответствовала доброй дивизии. Во-вторых, в состав Петроградского гарнизона полк вошёл в Февральскую революцию самовольно, перебазировавшись из Ораниенбаума, где дислоцировался ра-

нее, в Петроград, на Выборгскую сторону.

Ещё раз – самовольно. Самое вероятное, что солдат подвигли на это самые прозаические соображения. Части Петроградского гарнизона на фронт не посылали.

Возможно, именно во время этой передислокации численность полка и выросла столь радикально – не одни же пулемётчики не желали на фронт. А в том бардаке, что творился во время Февральской революции – да кто там считал солдат?

Впрочем, сама по себе идея посылать воевать с немцами эту уникальную воинскую часть была бы порочной изначально. Полк давно полностью утратил боеспособность, поскольку среди его солдат отлично поработали не только большевики, но даже и анархисты.

Анархисты вообще имели немалое влияние среди солдат и матросов не только в Питере. И в Кронштадте, например. Между полком и тамошними матросами давно установилась тесная связь – и там, и там влияние большевиков и анархистов было немалым.

Кстати, в отличии от Петрограда, в Кронштадте в те дни в городе была одна власть – Совет. Естественно, Временного Правительства там не было.

Но вернёмся к Первому Пулемётному Полку. Он ещё первоначально был сформирован как одна большая учебная команда, раз в неделю отправлявшая на фронт маршевую роту, поэтому солдаты особенно болезненно относились к такой

перспективе.

С началом июньского наступления Ставка приказала полку отправить на фронт сразу 30 пулемётных команд, однако 21 июня полковой комитет постановил маршевые роты не отправлять, "пока война не примет революционный характер".

Сразу видно, что дисциплина находилась на высочайшем уровне, не так ли?

Ещё второго июля в полку появились большевистские и анархистские агитаторы.

Смысл агитации анархистов был прост – соглашатели нас продали, большевики оторвались от масс, а посему надо самим брать власть.

Большевики призывали к спокойствию. Мы помним стратегию Ленина последнего времени – призывать к мирным демонстрациям, даже удерживать от вооружённых выступлений, в то же время подготавливая переход демонстрантов к гораздо более решительным действиям – если позволит ситуация.

Открыто призывать к вооружённому перевороту Ленин давно уже не рисковал – чувствовал, что правительство сможет прицепиться к таким призывам, пришить большевикам подготовку к свержению законной власти незаконным путём – и банально арестовать.

Чувствовал Ленин правильно, именно такие мысли уже витали среди членов Кабинета Министров. Они стали по-

нимать, что большевики всё опаснее и остановить их парламентскими методами не получится. Только силой.

Итак, анархисты призывали к выступлению, а большевики – к спокойствию.

Большевистских ораторов выслушивали очень сочувственно, соглашались с ними, но после ухода снова поднимали разговор о вооружённом выступлении.

Утром третьего июля в расположении полка начался митинг. На нём выступил анархист Блейхман.

Его решение всегда было при нём. Надо выходить с оружием в руках. Организация? Нас организует улица. Задача? Свергнуть Временное правительство.

Полк направил своих делегатов в Кронштадт, призывая вооружиться и двинуться на Петроград. В Кронштадте отнеслись с пониманием, и была создана организационная комиссия по руководству шествием.

В ЦК большевиков информацию о развитии событий получили около четырёх часов дня. Члены ЦК высказались против участия в демонстрации. На что впоследствии их лидеры указывали как на доказательство непричастности к произошедшим событиям.

Соответствующее обращение было решено опубликовать в "Правде". Однако когда о решении ЦК сообщили делегатам пулемётчиков – большевикам, те заявили, что лучше выйдут из партии, но не пойдут против постановления полка.

Каменев, дозвонившись до Кронштадта, сказал лидеру большевиков в Кронштадтском Совете Раскольникову, что партия не дала санкции на выступление, и нужно удержать кронштадтцев.

– А как удержать их? – трагически спросил Раскольников.

Тогда большевики, узнав о начале волнений в воинских частях, резко изменили стратегию. Для начала они предприняли попытку провести через рабочую секцию Петроградского Совета резолюцию о необходимости передачи власти Советам. Тем самым поставив Исполком Совета перед свершившимся фактом, произошедшим якобы под непреодолимым давлением масс.

Для этого потребовали от Исполкома созыва немедленной чрезвычайной сессии. При этом времени на оповещение меньшевиков и эсеров не оставалось. Большевики же явились на заседание в полном составе, получив таким образом на сессии временное большинство.

Григорий Зиновьев, открывая заседание Петроградского Совета, потребовал, чтобы тот взял в свои руки всю полноту власти. Меньшевики и эсеры, успевшие попасть на заседание, не соглашаясь с ним, со своей стороны требовали, чтобы большевики помогли остановить выступление Пулемётного полка.

Когда же те отказались выполнить это требование, даже эти меньшевики и эсеры покинули заседание, предоставив

своим оппонентам свободу действий.

После этого было избрано Бюро рабочей секции, которое сразу одобрило резолюцию, начинавшуюся словами "Ввиду кризиса власти рабочая секция считает необходимым настаивать на том, чтобы Всероссийский Съезд Рабочих и Крестьянских Депутатов взял в свои руки всю власть". Этот призыв означал, что Временное правительство должно быть свергнуто.

Большевики всё-таки пошли ва-банк.

Военный министр Временного правительства Керенский ранее в этот день выехал на фронт, где только впоследствии узнал о событиях в Петрограде.

Выступление пулемётчиков началось около семи часов вечера. В восемь их полк был уже у дворца Кшесиньской – тогдашней штаб-квартиры большевиков.

В то же время, около восьми, начальник контрразведки Петроградского военного округа Никитин на встрече с секретным агентом, бывавшим в доме Кшесиньской, получил сведения, что большевики на следующий день собираются поднять вооружённое восстание.

"Большевики, игнорируя Временное правительство, пойдут на Таврический дворец, разгонят ту часть депутатов, которая поддерживает Временное правительство, объявят о передаче верховной власти Советам и составят новое правительство."

Около одиннадцати, когда демонстранты проходили ми-

мо Гостиного двора, впереди раздался взрыв гранаты и началась стрельба. Солдаты открыли ответный огонь. Не обошлось без убитых и раненых.

К полуночи демонстранты заполнили улицы вокруг Таврического дворца. Напомним, что там базировался Петроградский Совет.

Но уже предпринимались меры по нейтрализации прекращающихся беспорядков.

Петроградский Совет ещё ранее вечером предложил командующему войсками округа Половцову перенести свой штаб в Таврический дворец. Но тот отказался, считая, что в случае опасности Совет легче будет спасти со стороны.

Половцов оставил для связи начальника контрразведки Никитина, в свою очередь попросив назначить дежурство из членов Совета в штабе округа. Кроме того, им были вызваны казаки, два эскадрона Девятого запасного кавалерийского полка и гвардейские конноартиллеристы из Павловска. Пехотным частям было приказано оставаться в казармах и быть в боевой готовности

4 июля 1917 года.

Около часу ночи в Таврическом дворце, в комнате большевистской фракции Совета, состоялось совещание членов ЦК, Петроградского Комитета и Военной организации большевиков совместно с Комитетом межрайонцев. Обсуждался вопрос о демонстрации.

После того, как к двум часам ночи к Таврическому дворцу подошло около тридцати тысяч рабочих Путиловского завода, а из Кронштадта тогда же позвонил Раскольников и сообщил, что помешать выступлению матросов невозможно, и утром они уже будут в Питере, было принято решение об участии в вооружённом движении солдат и матросов.

ЦК принял решение возглавить “мирную, но вооружённую” демонстрацию.

“Обсудив происходящие сейчас в Петербурге события, заседание находит: создавшийся кризис власти не будет разрешён в интересах народа, если революционный пролетариат и гарнизон твёрдо и определённо немедленно не заявит о том, что он за переход власти к Совету Рабочих и Крестьянских Депутатов. С этой целью рекомендуется немедленное выступление рабочих и солдат на улицу для того, чтобы продемонстрировать выявление своей воли”.

Это был, собственно, призыв вооружённой силой свергнуть Временное правительство.

Из готовящегося набора "Правды" было изъято обращение ЦК с призывом к сдерживанию масс, и наутро газета вышла с белой дырой в тексте.

Ленин позднее объяснял, что решение принять участие в вооружённой демонстрации было принято исключительно для того, чтобы придать ей мирный и организованный характер.

Он находился в это время в кратковременном отъезде в Финляндию и как бы ничего не знал. Впрочем, ЦК уже отправил за ним гонцов.

Тем же утром 4 июля в Кронштадте на Якорной площади собрались матросы и, сев на буксирные и пассажирские пароходы, двинулись в Петроград. Пройдя морским каналом и устьем Невы, матросы высадились на пристани Васильевского острова и Английской набережной. К ним подбежал представитель большевиков и сообщил маршрут дальнейшего шествия. Прежде всего идти к дому Кшесиньской. К штаб-квартире большевиков.

В десять утра прибыл из Ораниенбаума также находящийся на стороне большевиков Второй Пулемётный полк.

Параллельно анархисты выдвинули лозунги "Долой Временное правительство!", "Безвластие и самоустройство". Итогом стало то, что выступление приняло форму вооружённой демонстрации. Никем не управляемая толпа численностью, по разным оценкам, от нескольких десятков до сотен тысяч двинулась вперёд.

Вооружённая демонстрация прошла по Троицкому мосту, Садовой улице, Невскому проспекту и Литейному проспекту, двигаясь к Таврическому дворцу.

На углу Литейного проспекта и Пантелеймоновской улицы отряд матросов подвергся пулемётному обстрелу из окон одного из домов. Трое кронштадтцев были убиты и более десяти – ранены. Матросы схватились за винтовки и стали беспорядочно стрелять во все стороны.

Стычки и перестрелки происходили у Николаевского вокзала, на Садовой улице, на углу Невского проспекта и Садовой, на Знаменской площади, на Обводном канале и так далее.

Кто стрелял по демонстрантам? Неизвестно. Да кто угодно мог. От правых экстремистов до агентов анархистов или большевиков, желающих спровоцировать вооружённые действия со стороны шествия. Да-да, и такое не представляется невозможным.

Впрочем, атмосфера была такой, что вооружённые столкновения были уже неизбежны.

К середине дня площадь перед Таврическим дворцом заполнилась многотысячной толпой солдат семи полков петроградского гарнизона, кронштадтских матросов, рабочих Путиловского завода и Выборгской стороны, которую в целом не контролировали ни Совет, ни штаб округа, ни большевики.

Зашедшая в Таврический дворец группа из этой толпы

искала на заседании Совета министра юстиции Переверзева, но, не найдя, вместо него забрала одного из лидеров эсеровской партии и по совместительству министра земледелия Виктора Чернова.

И то, какая разница?

Члены Исполкома Совета пробовали образумить матросов, окруживших Чернова, но немедленно получили ряд увесистых пинков. Затем подошли другие участники заседания, которых кронштадтские матросы милостиво просто оттолкнули прикладами.

Чернова посадили в автомобиль, порвав при этом пиджак, и заявили, что не отпустят, пока Совет не возьмёт власть. Неизвестный рабочий, поднеся к лицу министра кулак, заорал: "Ну бери власть, коли дают!"

Рабочему было невдомек, что перед ним и так член правительства, и он считал, по-видимому, что наставляет уморазуму всего лишь представителя Петроградского Совета.

Впрочем, верно и то, и другое – Чернов состоял и в правительстве, и в Петросовете.

В общем, Александра Первого за сто с лишним лет до этого приглашали взять власть намного вежливее.

Вождь эсеровской партии не мог скрыть своего страха перед толпой. У него дрожали руки, смертельная бледность покрывала перекошенное лицо, седеющие волосы были растрёпаны.

Неожиданно появился Троцкий, настроенный, похоже,

весьма решительно.

Подойдя к автомобилю, он лихо вскочил на передок и, как на импровизированной трибуне, широким энергичным взмахом подал сигнал к молчанию. Все стихли, воцарилась мертвая тишина.

Громким отчетливым металлическим голосом Троцкий произнес короткую речь. Ничего особо нового в ней не содержала. Обычные характерные для тех времён лозунги, смешанные с комплиментами слушателям за их решительные действия, разумеется, продиктованные благородными намерениями.

– Товарищи кронштадтцы, краса и гордость русской революции! Я убеждён, что никто не омрачит нашего сегодняшнего праздника, нашего торжественного смотра сил революции ненужными арестами.

Закончил Троцкий спич призывом соблюдать революционную законность, после чего грозно спросил:

– Кто за насилие над Черновым, пусть поднимет руку!

Никто, разумеется, не шелохнулся.

– Гражданин Чернов, вы свободны, – торжественно возгласил Троцкий, оборачиваясь всем корпусом к министру земледелия и жестом руки приглашая его выйти из автомобиля. Тот был ни жив ни мертв.

Лидер большевиков в Кронштадтском Совете Раскольников помог Чернову сойти с автомобиля. С вялым, измученным видом, нетвердой, нерешительной походкой тот поднял-

ся по ступенькам и скрылся в вестибюле дворца.

Удовлетворенный собой Троцкий ушел вместе с ним.

Толпа ещё некоторое время безмолвствовала.

Нет, все ощущали огромное желание насаждать революционную законность, но не знали – куда бежать и что для этого насаждения делать. Таков уж был магический эффект от ораторского таланта Троцкого.

Подозреваю, что если бы Лев Давидович поставил своей целью отправить их на германский фронт, все уже неслись бы со всех ног сражаться с немцами.

Впрочем, у демонстрантов уже намечались проблемы не менее серьёзные, но абсолютно реальные.

Временное Правительство находилось у власти уже четыре месяца и чувствовало себя гораздо увереннее, чем, скажем, в апреле.

Как и сторонники правительства. Поэтому уже четвёртого числа к вечеру верные законной власти воинские части приступили к ликвидации беспорядков.

Узнав по телефону об аресте Чернова и насилиях моряков в Таврическом дворце, Половцов решил, что пора перейти к активным действиям. Он приказал полковнику конноартиллерийского полка Ребиндеру с двумя орудиями и под прикрытием сотни казаков Первого Донского полка двинуться на рысях по набережной и по Шпалерной к Таврическому дворцу и после краткого предупреждения, или даже без него, открыть огонь по толпе.

Ребиндер, достигнув пересечения Шпалерной с Литейным проспектом, был обстрелян с двух сторон. На Литейном мосту ему противостоял десяток каких-то личностей в арестантских халатах с пулемётом.

Ребиндер, не долго думая, приказал снять орудия с передков и открыть ответный огонь. Один снаряд разорвался у Петропавловской крепости. Другим был нечаянно разогнан митинг у Михайловского артиллерийского училища (а что делать, митинговали везде, куда ни стреляй – попадёшь в какой-нибудь митинг). Третий попал. Восемь человек полегли на месте, а остальные разбежались.

Толпа у Таврического дворца, услышав близкий артиллерийский огонь, после чего попав под винтовочный обстрел и узрев решительно настроенных донских казаков, панически разбежалась во все стороны.

И всё! Бунт был подавлен! Как известно, революцией называют восстание, увенчавшееся победой. В противном случае это – бунт или мятеж.

События четвёртого июля ясно показали, что солдаты, матросы и рабочие, выступившие на стороне большевиков, рисковать пролить кровь не желали ни за какие коврижки.

Одно дело горлопанить на митингах или оскорблять безобидного штатского – и совсем другое – противостоять настоящим профессиональным воинским частям, которые не задумаются открыть огонь, в том числе и из пушек. Конечно, надо тикать – они ж попасть могут!

Боеспособность распропагандированных большевиками солдат, да и кронштадтских матросов, оказалась нулевой.

Кстати, Ленин (по зову ЦК, наверное) уже четвёртого июля вернулся в Питер. Чтобы вместо победных реляций узнать о разгроме выступления и понять, что придётся переходить на нелегальное положение.

Впрочем, сильно подозреваю, что отъезд его накануне из Петрограда имел целью обеспечить алиби. Уж кого станут победившие власти разыскивать в первую очередь – ясно было как Ленину, так и ЦК.

Поэтому в тот же день вождь большевиков переехал на конспиративную квартиру.

И не зря. В это время Временным Правительством уже был отдан приказ об аресте Ленина и его ближайших соратников. Сталина, почему-то считавшегося умеренным, в списке не было. Как ни странно, действительно самый ярый противник вооружённых выступлений Лев Каменев там имелся.

5 июля 1917 года.

Временное Правительство планомерно зачищало последние очаги сопротивления.

К утру остатки разбитых большевиков собрались у особняка Кшесиньской и заняли северный конец Троицкого моста. Часть кронштадтских матросов – несколько сотен – укрылась в Петропавловской крепости.

Сама крепость во время описываемых событий была фактически захвачена анархистской ротой уже известного нам Пулемётного полка. Против них двинули отряд под руководством заместителя командующего войсками Петроградского военного округа капитана Кузьмина.

Правительственными войсками без боя был занят Троицкий мост.

Кроме того тем же утром юнкера заняли редакцию и типографию газеты "Правда", которую буквально несколькими минутами ранее покинул Ленин. Юнкера обыскали здание, избив при этом нескольких сотрудников, поломав мебель и выкинув в Мойку свежееотпечатанные газеты.

Как впоследствии утверждалось, при обыске было обнаружено неизвестное письмо на немецком языке. Легенда о большевиках-шпионах требовала подтверждений. Странно, что заодно не нашли миллион немецких марок, например.

Тем же вечером на очередной конспиративной кварти-

ре, где в этот день оказался вынужденный ныне скрываться вождь большевиков, произошла встреча Ленина и Троцкого.

Владимир Ильич, наклонившись вперёд, сидя в кресле, смотрел в пол. Он был задумчив и серьёзен. Как всё радикально изменилось за пару дней. Казалось, буквально только что они на заседании ЦК обсуждали – как вести себя в случае, если массы выйдут на демонстрацию сами. Без их, большевиков, участия. Видимого, конечно, участия. Призыва ЦК.

Ситуация в полках Петроградского гарнизона, среди матросов Кронштадта, на заводах была и так весьма взрывоопасной. Достаточно призыва тех же анархистов ... или Петроградского Комитета большевиков, от которого можно было потом откреститься, выдав за местную несанкционированную инициативу. А потом, если массы окажутся подогретыми до нужного градуса – возглавить. Арестовать Временное Правительство, передать власть Совету ... ну, дальше понятно.

Всё шло, казалось, по плану. Он, Ленин, даже уехал из Петрограда. Чтобы в случае неудачи его никто не мог обвинить.

Смогли. Обвинили. Кого сейчас интересует – где был Ленин в момент выступления?

Ну да. В какой-то момент всё пошло наперекосяк. Возможно, когда Петросовет, даже окружённый бурлящей толпой, требующей от него взять власть, не пошёл у неё на по-

воду. А может быть, когда подогретые алкоголем и кокаином кронштадтские матросы самовольно ворвались на заседание, вытащили Чернова и начали того стращать.

Во всяком случае, Совет, которому всё это не понравилось, отреагировал оперативно. Связался с верными правительству войсками – и началось.

Да, надо признать, все нами распропагандированные части Петроградского гарнизона ни черта не стоят при прямом столкновении с настоящими воинскими подразделениями. При первых же выстрелах разбежались. А как были храбры при стычках с гражданскими ... говорят, до трёхсот прохожих, выглядевших на свою беду небедно, ограбили. Многих убили. Горлопаны с винтовками!

И вот итог. Снова – на нелегальное положение. Он ещё подумывал – может, законопослушно сдаться и потом использовать суд как трибуну, с которой донести до всех их, большевистскую правду. Ведь отчёты с заседаний суда будет читать вся страна.

Но ЦК был категорически против. "Юнкера до тюрьмы не доведут, убьют по дороге" – мрачно сказал Сталин, и ЦК с ним согласился.

Наверное, они правы. По известиям с улиц сейчас ненависть сторонников правительство к нему, Ленину, достигла такого градуса, на котором никогда не находилась.

Поэтому он и меняет конспиративные квартиры ежедневно, а ЦК разрабатывает маршрут его исчезновения из Пите-

ра. Несколько дней – и в столице Ленина уже не будет. Ну что ж, надо – так надо.

Раздались шаги, и в комнату стремительно вошёл Троцкий. Он поздоровался, пожал Ленину руку, легко опустился в кресло напротив и заговорил.

– Владимир Ильич, времени мало, поэтому я сразу к основному. Я возмущён! Вас при выступлении даже не было в Питере! И мне известно, что ваш ЦК призывал к соблюдению спокойствия, просил войска оставаться в казармах. Этот чёртов Пулемётный полк и кронштадтских матросов взбунтовали анархисты!

Тем не менее Временное Правительство мгновенно выпустило приказ о вашем аресте. И верхушки ЦК! Да, я уже знаю, что официальной причиной там называется шпионаж в пользу Германии, но это ещё больший абсурд!

Насколько я понимаю, шпионаж – это когда враждующей стране передаются сведения, имеющие военное значение. Какие, к чертям, сведения вы могли передавать – даже если бы захотели? Они просто опять завели старую шарманку – всё, что оказалось под рукой.

Я завтра же публикую открытое письмп с протестом! Молчать не стану!

Да, и ещё. Я вообще не желаю оставаться в стороне в такой момент! Меня бесит эта беззастенчивая травля Ленина и большевиков!

Помните, вы неоднократно предлагали мне и моим меж-

районцам вступить в вашу партию? Если предложение ещё в силе, я желал бы им воспользоваться. Межрайонцы как хотят, такой вопрос каждый для себя решает сам, но я теперь хочу идти плечом к плечу с вами. Согласны?

Ленин внимательно смотрел на Троцкого.

– Лев Давидович, а вы уверены? В такой момент быть с нами просто рискованно. Чревато арестом ... а то ещё и поопаснее.

– Ничего, – как-то лихо ухмыльнулся тот, – бывало и хуже. Понимаете, я не могу терять самоуважение, не сделав того, что, по моему глубочайшему убеждению, я сделать должен. Не волнуйтесь, Владимир Ильич, они за всё заплатят.

Спокойно уезжайте из Питера. Ради бога, не рискуйте. Ваша задача сейчас – сберечь себя. Вы значите очень много. Даже Временное Правительство, наконец, это поняло. Просто партия большевиков – это одно, а партия большевиков во главе с Лениным – совершенно иное. Я со своей стороны, приложу все усилия, чтобы вместе с большевиками радикально переломить ситуацию дабы вы смогли триумфально вернуться. Согласны, Владимир Ильич?

– Что ж. Тогда с огромной радостью принимаю ваше предложение. Времени действительно мало, поэтому сразу. Если вы не против, я немедленно порекомендую ЦК не только принять вас в партию, но и кооптировать в свой состав и в редакцию "Правды". По моему глубочайшему убеждению, Троцкий там необходим.

Троцкий уже слушал, очень внимательно, временами утвердительно наклоняя голову. Ленин продолжил:

– И ещё. Нам предстоит осмыслить уроки, которые следует извлечь из поражения, но кое-что можно сказать уже сейчас.

Первое. Надо оставить бесплодные попытки убедить нынешний состав Петроградского Совета взять верховную власть в свои руки. Эсеровско-меньшевистское большинство на это попросту не способно.

Посмотрите, батенька, даже когда Таврический Дворец окружила толпа, буквально требующая от Совета взятия власти и готовая преподнести её не блюдечке, они вызвали войска для разгона этой толпы.

Вывод. Конечно, авторитет Советов сейчас таков, что лучше, если власть возьмут они. Значит, задача сделать Советы нашими, большевистскими, остаётся.

Но необходимо снова вернуться и к задаче брать власть путём вооружённого восстания, от которой мы временно отказались. Даже если Совет будет против.

Какой путь сработает раньше – не знаю. Лучше бы оба. Во всяком случае, конечная цель осталась прежней. Взять власть путём свержения правительства. Мне кажется, тут поможет второе соображение. Оно таково.

Да, Временное Правительство сейчас победило. Как всегда бывает сразу после победы, авторитет его взмыл на огромную высоту, а противников правительства массово

травят. Да, верно.

Но, – Ленин поднял палец вверх, акцентируя внимание, – война продолжается, хозяйственная и экономическая ситуация ухудшается и будет ухудшаться всё стремительнее. Перебои с продуктами станут усиливаться и, как следствие, авторитет правительства – падать. Всё быстрее. А наш, большевистский, соответственно расти.

Так вот, очень важно не прекращать позиционировать себя как противников правительства, а когда настанет подходящий момент, нанести удар.

Третий урок, – Ленин на секунду умолк, собираясь с мыслями и продолжил, – Мы забыли, что войска в большинстве своём так восторженно принимают нашу антивоенную пропаганду не потому, что против войны империалистической. Они не желают воевать вообще!

Поэтому попросту небоеспособны. Да, правительство они не поддержат, но и за нас в бой с регулярными верными правительству частями не пойдут! И любое воинское подразделение, прибывшее в столицу по приказу правительства, быстро подавит выступление таких частей. Соответственно, надо будет принять меры, во-первых, к тому, чтобы такие подразделения просто не доехали до Петрограда. Если не удастся распропагандировать сами войска – действовать через настроенных по-большевистски работников железных дорог. Машинистов, поездных бригад, стрелочников, станционной obsługi, наконец. Путей много.

Второе. Надо всё-таки стараться находить людей, преданных нам по-настоящему и создавать из них отряды. Костяк Красной Гвардии должны составить именно они.

И конечно – берегите себя тоже, Лев Давидович. Может, вы не представляете значения своей личности в революции, но поверьте – оно колоссально.

Троцкий спокойно и задумчиво смотрел Ленину в глаза.

– Я понял вас, Владимир Ильич. Очень благодарен за столь лестные слова и за огромное доверие. Я услышал сегодня вами сказанное и приложу все усилия, чтобы не подвести. Сейчас мне, наверное, пора идти.

– Подождите, Лев Давидович. Напоследок разрешите спросить. Я вот сейчас смотрю на вас и не узнаю. Как будто подменили. Помолодели. Пышете какой-то сумасшедшей энергией. Такое ощущение, что готовы горы свернуть. Нет, я, разумеется, страшно рад такому преображению, но всё же не откажите удовлетворить моё любопытство. Что случилось?

– Да, это все мне говорят. Я давно заметил такую особенность. Во время побега из ссылки, в девятьсот пятом – во время восстания. Думал, конечно, в чём причина. Кажется, понял.

Я – человек действия. Если ничего не происходит, не за что активно бороться, я кисну. Как в эмиграции. Нет, разумеется, пишу статьи, пытаюсь высказаться на все волнующие темы. Но это не то. Чувствую себя, как в киселе.

Я, Владимир Ильич, когда увидел, как эти горлопаны –

кронштадтские матросы – арестовали Чернова, как будто взорвался. Не думал ни о чём – тело само вспрыгнуло на автомобиль, и слова полились тоже сами. Я просто чувствовал – как надо действовать и что нужно сказать. Понимал настроение толпы и знал, что она подчинится. Уже потом подумал – а ведь это были те самые матросы, которые буквально в предыдущие часы убили и ограбили бог его знает сколько человек на улицах. Но мне было наплевать. И они подчинились.

Я сейчас чувствую себя, как в девятьсот пятом. Когда руководил восстанием. Лёгкость необычайная. Всё время огромное желание действовать. Я в своей стихии. Ладно, времени уже нет вовсе. Счастливо вам, Владимир Ильич. Уверен, свидимся. Удачи, и будьте поосторожнее.

Он легко поднялся, пожал Ленину руку и вышел.